

Борис Грозовский

ЧИТАЯ ЭКОНОМИСТОВ

Майкл Льюис
Роберт Шиллер
Евгений Ясин
Даниэль Канеман
Михаил Блинкин
Альфред Кох
Каха Бендукидзе
Григорий Голозов
Рональд Инглхарт
Александр Аузан
Максим Трудолюбов
Владислав Иноземцев
Мануэль Кастельс
Владимир Гельман
Дэни Родрик
Дэвид Гребер
Валерий Зубов
Рагхурам Раджан
Дмитрий Травин
Александр Эткинд
Екатерина Шульман
Барри Эйхенгрин
Энн Эпплбаум
Авнер Грейф
Пол Кругман
Петр Авен
Франс Де Вааль

Борис Грозовский

Читая экономистов

«Издательские решения»

Грозовский Б.

Читая экономистов / Б. Грозовский — «Издательские решения»,

Впервые под одной обложкой собраны публикации Бориса Грозовского о важнейших книгах экономической и политической тематики. «Читая экономистов» — это конспект идей современных экономических гуру, представленный сквозь призму проницательного взгляда журналиста.

Содержание

Предисловие. Удовольствие от чтения и письма	7
Глава 1. Доверие, сообщества и социальный капитал	9
Справедливость анархиста: почему не надо платить долги	9
Все как у людей	13
Сетевая власть: как государство управляет обществом	17
Конец ознакомительного фрагмента.	20

Читая экономистов

44 важнейшие книги 2000- х годов по социальным наукам, которые вы не успели прочитать

Борис Грозовский

© Борис Грозовский, 2016

© Андрей Бостон, дизайн обложки, 2016

Редактор Ольга Игнатчук

Редактор Марина Черкасова

Редактор Кристина Логунова

Редактор Всеволод Гранкин

Редактор Олжас Салмурзин

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Эльмар Муртазаев, главный редактор Forbes в 2013—2015 гг.:

«Каждый месяц, у меня, главного редактора журнала Forbes, наступал момент чистого интеллектуального удовольствия. Борис Грозовский, известный экономист и публицист, присылал нам в редакцию рецензию на только что вышедшую книгу или исследование. Спокойный тон и, одновременно, беспристрастный анализ – сами по себе большая редкость в наше время скандалов и пропаганды. Борис Грозовский выбирает для размышлений содержательные книги и исследования, которые, с одной стороны, выглядят актуальными и созвучными времени, а с другой, знакомят читателей с передовой линией современной экономической науки и политологии. Но настоящим удовольствием для меня эти статьи становились потому, что Грозовский обладает уникальным в современной публицистике даром – умением писать просто о сложном. И именно это умение показывало высочайшее знание предмета».

Сергей Гурьев, профессор экономики Sciences Po, Париж, Президент Society for Institutional and Organizational Economics (бывшего International Society for the New Institutional Economics):

«Борис Грозовский – не только один из лучших российских экономических журналистов. По пальцам одной руки можно пересчитать публичных интеллектуалов, которые были редакторами немногих „страниц комментариев“ в независимых российских СМИ. Эти „страницы“ играют ключевую роль в свободной дискуссии по вопросам экономической политики – и просто политики. Книга „Читая экономистов“ рассказывает о том, что читают такие люди, как Борис. Объективные (и порой справедливо критические) рецензии на 44 главные русскоязычные и переводные общественно-научные книги последних лет – отличное руководство для тех, кто хочет находиться на переднем крае мировой и российской экономической, политической и социальной наук».

Валерий Анашвили, главный редактор журнала «Логос»:

«„Читая экономистов“ Бориса Грозовского, долгие годы неизменного книжного рецензента в журнале „Форбс“, – счастливая для нас возможность действительно „прочитать“ экономические работы самых разных авторов глазами компетентного и уверенного в себе рецензента, и понять их. Грозовский обладает завидным даром превращать сложнейший эко-

номический материал в захватывающий интеллектуальный квест, где понимание перипетий авторской мысли регулярным сюрпризом ждет нас за каждым поворотом строки, а палитра авторских идей не теряет ни единой краски, ни единого оттенка. „Рецензия, по аналитической ценности превосходящая рецензируемую книгу“, эта мечта всякого журнального редактора завидным образом воплотилась в текстах Грозовского. Выпуск этого сборника – очевидная издательская удача».

Предисловие. Удовольствие от чтения и письма

Собранные под этой обложкой рецензии – не вполне классические. Они ближе к жанру изложения-пересказа. Как и многие публикации в деловых медиа, эти заметки рассчитаны на читателя, у которого нет времени на прочитывание 500-страничных томов. Нет времени – не страшно: просмотрите за 5—10 минут 3-страничный текст, и в нем вы найдете все, что мне показалось самым важным в объемном фолианте. Хотите большего – читайте первоисточник. Кроме пересказа самого важного, я обычно ввожу читателя в контекст – рассказываю, что еще интересного сделал автор книги, как относятся к нему коллеги-ученые, что в его работах кажется несомненным, а что – особенно оригинальным, удивляющим или вызывающим. А вот полемики в этих рецензиях практически нет, поскольку я пишу (за редчайшим исключением) только о книгах, в которые влюблен.

Книгоиздание в упадке? Не верю! Хотя многие идеи, потом появляющиеся в написанных учеными книгах, задолго до их выхода можно услышать на научных конференциях, в журнальных статьях и *working papers*, наиболее систематическую и аргументированную разработку идеи все-таки получают в книгах. Вдобавок будучи поставлены перед необходимостью донести свои идеи до неспециалистов, ученые продумывают аргументацию лучше, чем когда обращаются только к коллегам. Может измениться способ бытования книги, шелест страниц может уступить место электронному чтению, но от этого книга не перестает быть книгой.

Читать хороший *non-fiction*, особенно в области социальных и гуманитарных наук, – ни с чем не сравнимое удовольствие. Писать о книгах – удовольствие еще многократно большее. Долгое время я это удовольствие себе запрещал: как-то совестно было получать гонорары за дело, которое любишь больше всего на свете. Мне казалось, что как-то нехорошо зарабатывать вещами, от которых получаешь наслаждение. Но когда дома экономическая, социологическая, политологическая и т. д. литература заняла даже то пространство, которое люди обычно используют для приготовления пищи, я понял, что пора. Этому очень способствовал Андрей Бабицкий, 5—6 лет редактировавший «мнения» на сайте *Forbes.ru* (сейчас – редактор *Inliberty.ru*). Андрей долго уговаривал меня начать делиться радостью от чтения. Кажется, я сопротивлялся год-два, но потом вошел во вкус.

В этот сборник вошли опубликованные в журнале и на сайте *Forbes Russia* рецензии на 44 книги, написанные в 2011 – начале 2016 гг. Серия продолжается – сейчас я готовлю для *Forbes* заметки о следующих прочитанных книгах, которые уже не успеют в это издание. Эти книги, на мой вкус, входят в *TOP-100* важнейших книг, изданных в России в последние годы. Книгами, о которых я успел написать, этот список точно не исчерпывается, но уверен, что практически все они в него входят. В последние годы мои заметки редактировали Андрей Литвинов и Эльмар Муртазаев, что помогло их значительно улучшить. Я очень благодарен Валерию Анашвили за регулярное снабжение меня книгами, выпускаемыми его книгоиздательской империей, а Полине Воробьевой и Ульяне Грозовский – за разделяемую со мной любовь к книгам и терпение.

Список остальных благодарностей совпадает со списком авторов книг, о которых рассказано в этом томике. Каждая из этих книг – небольшое открытие. Так, только после прочтения исторического повествования Авнера Гейфа у меня окончательно пропало желание хвататься за пистолет, когда кто-либо говорит об «институтах». Владимир Гельман показал, что о российской политике можно мыслить рационально. Это само по себе достойно удивления. Григорий Голосов продемонстрировал, что можно, не теряя научности, писать о демократии «для чайников». А Луиджи Зингалесу я благодарен за упрямую демонстрацию того, что интересы капиталистов и капитализма *per se* часто бывают противоположны. Даниэль Канеман – лучший деконструктор ошибок нашего разума. А Дэни Родрик показывает, что можно думать об эко-

номической политике, не исключая альтернатив, которые на первый взгляд далеки от идеала. Беседы Владимира Федорина с Кахой Бендукидзе – лучшая прививка свободы из всех возможных, а диалоги Петра Авена и Альфреда Коха с реформаторами 1990-х – одно из лучших на сегодня средств понимания, что и почему «пошло не так». Дэвид Гребер создал, наверное, первую экономико-историческую антропологию – совсем не бесспорную, но захватывающую как детектив. Ну а к моему другу Максиму Трудолюбову, о двух книгах которого рассказано в этом сборнике, я испытываю хроническую зависть-восторг: часто бывает так, что я подумаю, какую-нибудь мысль, а он уже ее написал.

Надеюсь, что вы получите от чтения этой книжки не меньшее удовольствие, чем я от ее написания. И не забывайте обращаться к тем книгам, мое изложение которых показалось вам особенно интересным. Ведь эта книжка – не финал, а точка входа.

март 2016

Борис Грозовский

Глава 1. Доверие, сообщества и социальный капитал

Справедливость анархиста: почему не надо платить долги

Дэвид Гребер. Долг: первые 5000 лет истории. М., Ad Marginem Press, 2014

Система, в которой долг «священен», но выплачивать долги должны лишь некоторые, не самые крупные должники, явно далека от идеала, считает ученый и лидер Оссиру Wall Street Дэвид Гребер.

Книгу «Долг: первые 5000 лет истории» написал Дэвид Гребер, профессор антропологии Лондонской школы экономики. На русском ее выпустило известное своими переводами «левой» философской и политологической литературы издательство Ad Marginem, обычно обходящее экономические темы стороной. Но выбор издательства не случаен. Гребер – не только известный ученый и колумнист, но и один из самых популярных в англоязычной сфере анархистов, один из лидеров движения Оссиру Wall Street, соавтор лозунга «Нас 99%». Активная политическая деятельность стоила Греберу места в Йельском университете. «Большую часть своей истории человечество провело без централизованного правительства», – говорил Гребер 10 лет назад. Свою докторскую он писал на Мадагаскаре, где «присутствия властей не ощущается».

Дэвид Гребер. Долг: первые 5000 лет истории

Греберовский анархизм весьма обаятелен. Первая же его лекция в Лондонской школе экономики была посвящена теме «Связь между глупостью, невежеством и властью: как радикальное упрощение человеческой жизни и однобокие структуры воображения ведут к неравенству, поддерживаемому насилием». В науке Гребер известен исследованием того, как общества детерминируют ценностную систему людей, их картину мира. Популярны его книги «Фрагменты анархистской антропологии» (переведена на русский в 2014-м), «К антропологической теории ценностей», «Потерянные люди: эссе об иерархии, восстании и желании». Еще Гребер написал книгу «Демократический проект» об Occupy Wall Street. Слабость этой работы, как и всего движения, в следующем: Гребер и его коллеги, хотя и понимают, что мир неправильно устроен, не предлагают способов исправить ситуацию, писал Джон Кампфнер, автор недавно переведенного на русский бестселлера «Свобода на продажу».

Образ мыслей Гребера великолепно передает эссе «О феномене дерьмовых (bullshit) рабочих мест». В 1930 году Джон Кейнс предсказывал: развитие технологий приведет к тому, что к концу XX века рабочая неделя в США и Великобритании будет сокращена до 15 часов. Этого не произошло. Обычно неудачу прогноза объясняют так: выбирая между увеличением свободного времени и ростом потребления необязательных игрушек и удовольствий, человечество коллективно предпочло второе. Но лишь немногие из созданных за последние десятилетия рабочих мест имеют отношение к производству суши, айфонов и модных кроссовок, возражает Гребер.

Проблема в другом, считает он: гигантские массы людей в развитых странах заняты бессмысленным делом – операциями, которые в принципе не нужно выполнять. Доля менеджеров, клерков, специалистов в сфере продажи и услуг в общей занятости в США между 1910-м и 2000-м выросла с 25% до 75%. Эти рабочие места как будто специально создаются для того, чтобы занять нас работой, пишет Гребер. Это было бы еще объяснимо в соцстранах, где труд был священной обязанностью гражданина, но при капитализме так быть не должно.

В итоге все больше людей две трети своего рабочего времени сидят в Фейсбуке, посещают мотивирующие семинары или скачивают сериалы.

Причина вне экономики: правящий класс давно осознал, что счастливые и продуктивные люди со свободным временем опасны. Появившись в 1960-х, они сразу потребовали радикально другого общественного устройства. При этом правители нашли способ переключить недовольство населения именно на тех, кто занят полезным трудом: медсестры, мусорщики и повара получают меньше и вызывают меньше симпатий, чем «ненужный» средний класс – «пиарщики, лоббисты, страховщики, специалисты по телефонным продажам, судебные приставы, юристы», пишет Гребер. Конечно, эту систему никто не создавал специально – она возникла благодаря столетию проб и ошибок, но оказалась весьма устойчивой.

Сложно не согласиться с Гребером хотя бы в одном: большинство нелюбимых им профессионалов заняты в основном фиктивной деятельностью или исправлением искажений, возникших в результате работы других профессионалов. Одни работают над сокрытием важной для общества информации, а другие помогают ее раскрыть. Одни невероятно усложняют налоговое регулирование, а другие помогают налогоплательщикам платить налоги. Чем шире государство, чем заметнее его вмешательство в общественную и экономическую жизнь, строже его требования к всевозможной отчетности и тем больше людей вынуждены заниматься бессмысленным трудом.

А теперь представьте, что может этот анархист написать в 500-страничной книге о 5000-летней истории долга. Представили? Примерно это он и написал.

Как антрополог, Гребер начинает с явного ценностного противоречия в представлениях людей о долге. Большинство людей уверены одновременно в следующем: 1) выплата взятых в долг денег – вопрос элементарной порядочности, 2) всякий, кто имеет обыкновение давать деньги в займы, – воплощенное зло. Оба представления широко распространены, но плохо

согласуются друг с другом. Греберу первое не нравится больше, чем второе. Он приводит массу исторических и современных примеров, когда безукоризненное выполнение долгового договора ведет к большему моральному злу, чем пренебрежение долгом.

Среди них обычай, описанный Жан-Клодом Галеем в Восточных Гималаях в 1970-е годы: низшие касты, не имевшие денег и земли и жившие в постоянной долговой зависимости («за еду») от землевладельцев, нередко занимали и на самые значительные в их жизни расходы: свадьбы и похороны. В первом случае залогом становилась сама невеста. После первой ночи она должна была явиться в дом кредитора и несколько месяцев провести там в качестве наложницы, а если надоедала, еще год-два отрабатывать расходы на свадьбу проституцией. Только потом она возвращалась к мужу. Показательно, что как у бедняков, так и у брахманов (они часто были крупными заимодавцами) этот «варварский» обычай особых возражений не вызывал.

Больше всего Гребера возмущает и одновременно завораживает выраженная в гималайском примере способность денег «преобразовывать нравственность в безличную арифметику и тем самым оправдывать вещи, которые иначе показались бы нам непристойными и возмутительными». Долг овеществлен и объективирован, кредитор может передать его третьей стороне, и в центре внимания – капитал, баланс, процентные ставки и пени, а о человеческих последствиях выплаты долга «можно не задумываться».

Отношения между людьми превращены в математику. Как это получилось?

Ведь отличий денежного долга от нравственного два: 1) его измеримость, исчислимость, 2) применение насилия при истребовании долга, если должник манкирует своим обязательством. Ведь долг – «это то, что бывает, когда еще не восстановлен некий баланс».

Начиная с Вед и Библии денежный долг рифмуется с этическим – как синоним обязанности, вины и греха: «Сам недавно родился из земли, и вскоре пойдет туда же, откуда он взят, и взыщется с него долг души его». В Ригведе существование человека понимается чуть ли не как форма долга: «Человек рождается в долгу; сам по себе он рожден для Смерти, и лишь принося жертвы, он выкупает себя у Смерти». Жизнь – это заем, мы изначально в долгу, а жертвенная дань – уплата процентов; окончательная уплата жизни-долга производится смертью. А вождь-царь взял на себя управление нашим изначально долгом, поэтому он вправе собирать налоги (разновидность изначально долга). Возможно, и первым шагом к появлению денег стала вовсе не меновая торговля, как излагают учебники, а исчисление долга перед людьми, которым причинен ущерб (например, убийство родственника), и совершивший должен выплатить, искупить вину. Ведь первобытных обществ, основанных на меновой торговле, антропология не обнаружила, зато описано множество правовых систем древности, где деньги или их эквивалент служат в первую очередь для возмещения вины.

Но Гребер считает теорию первоначального долга мифом. Как настоящий анархист, он признает, что мы с рождения в долгу перед космосом и человечеством, но думает, что религия, нравственность, политика, экономика, государство и правосудие лишь пытаются «рассчитать то, чего рассчитать нельзя». Его идеал ближе к миру, где долги и кредиты занимают подчиненную роль и люди обмениваются дарами, а не заключают сделки. Ведь долг возникает только при обмене, не доведенном до конца. Если обмен невозможен, то нет и долга: номинальная задолженность, которую нельзя выплатить, – это не долг, а фикция. Долг, который выплатить можно, крепко связывает должника и кредитора друг с другом. Мир без долгов был бы подобен хаосу, войне всех против всех: никто никому ничего не должен. Однако система, в которой долг «священен», но выплачивать долги должны лишь некоторые, не самые крупные должники, явно далека от идеала. Большой долг (как долг США), долги самых богатых людей превращаются из их проблемы в проблему кредитора.

Какую форму примет долг через сотню-другую лет? Это вопрос о будущем капитализма. Гребер уверен, что капитализм трансформируется: бесконечный экономический рост на огра-

ниченной планете невозможен, отношение дара вернет себе положение, которое оно утратило, уступив первенство равноценному рыночному обмену. История не закончена: госаппарат армий, тюрем и пропаганды не совершенен, человечество в состоянии придумать новый способ общественной организации. Если так, бесконечное наращивание долга становится бессмысленным и сама его роль в обществе будет поставлена под вопрос.

Forbes, 05.05.2015

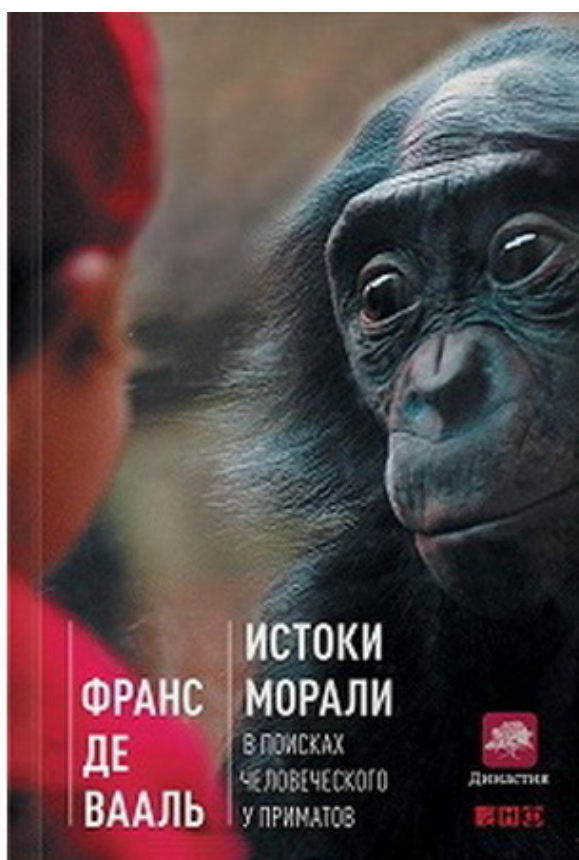
Все как у людей

Франс де Вааль. Истоки морали. В поисках человеческого у приматов. М., Альпина нон-фикшн, 2014

Франс де Вааль. Политика у шимпанзе. Власть и секс у приматов. М., Изд. дом Высшей школы экономики, 2014

Политика появилась намного раньше, чем нам кажется.

Люди думают о животных свысока. И мыслей у них, дескать, нет, и эмоций, и речи. Из-за этого вызывают удивление их «человеческие» поступки: собака месяцами ждет хозяина на перекрестке, дельфины организованно преодолевают барьеры эхолокации. Еще полвека назад ученые сказали бы, что животным не присуще чувство справедливости, птицы не предугадывают мысли сородичей, а у крыс нет эмпатии. Сегодня нет уверенности, что эти представления, попавшие в школьные учебники, справедливы. В недавнем эксперименте лабораторным мышам, помещенным в стеклянные трубки, где они видели друг друга, давали разведенную уксусную кислоту, от которой они испытывают легкую желудочную боль и потягиваются. Мышь, не принявшая кислоты, повторяет движения первой, как будто ей тоже больно, но только если испытуемые до этого жили вместе. Эмоциональное заражение присуще только людям?

Франс де Вааль. Истоки морали. В поисках человеческого у приматов

Сомнений в способностях животных все меньше. Долго считалось, что слоны не могут использовать орудия. Но эксперименты в зоопарке Вашингтона показали, что это люди

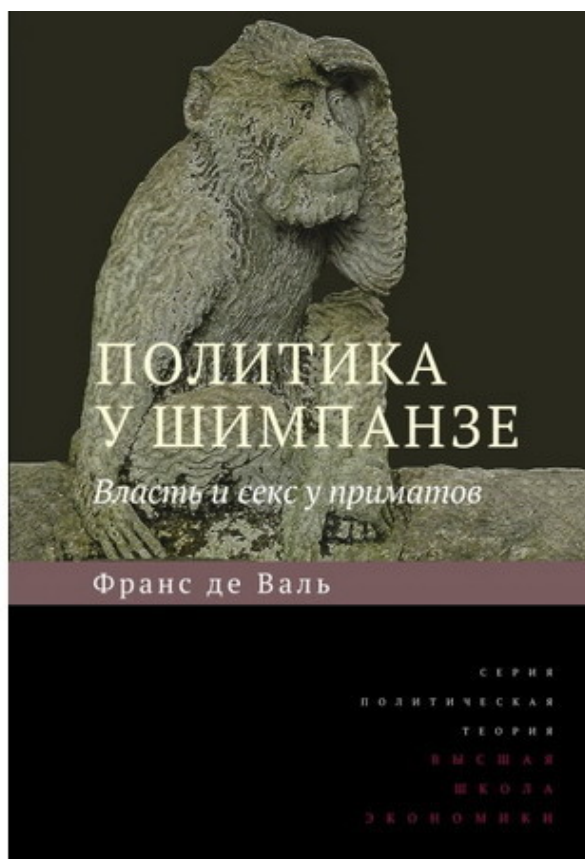
не в состоянии понять слонов. Они не используют палки, чтобы достать пищу, поскольку ориентируются при помощи обоняния, а не зрения, и зажав палку хоботом-носом, перестают «видеть» пищу. Зато слоны справляются с аналогичным заданием, когда достать фрукты можно, только встав передними ногами на коробку, которую нужно предварительно принести из другой комнаты и поставить под привязанными фруктами, а для этого временно от них уйти. Прежде чем утверждать, что слоны не используют орудий, ученым надо сначала взглянуть на мир их глазами.

Издательский дом ВШЭ в серии «Политическая теория» выпустил книгу голландского этолога и приматолога Франса де Вааля «Политика у шимпанзе. Власть и секс у приматов», а «Альпина нон-фикшн» при поддержке фонда «Династия» – его недавнюю работу «Истоки морали. В поисках человеческого у приматов». Французское издание книги де Вааля о власти сопровождалось изображением президентов Франсуа Миттерана и Жака Ширака с обезьяной между ними. Автора это возмущает: он рассказывает об обезьянах не для того, чтобы посмеяться над людьми, а чтобы люди относились к приматам более серьезно. «Когда некая француженка обвинила видного политика Доминика Стросс-Кана в сексуальных домогательствах, она добавила, что он вел себя как „похотливый шимпанзе“, – пишет де Вааль. – Это сравнение ужасно оскорбительно для шимпанзе!»

Де Вааль убежден, что представления людей о своей уникальности сильно преувеличены. Мораль не изобретение человечества, приматы стремятся к власти и добиваются ее «человеческими» методами. Но мораль у животных, в отличие от человека, не универсальна – они оценивают лишь действия, связанные с ними самими: животный альтруизм не требует осознанности, как дыханию не помогает знание о кислороде. И приматы, и крысы добровольно открывают друг другу дверь, обеспечивающую доступ к пище, и только потом сами идут к лакомству. Доминантные обезьяны проявляют щедрость, вознаграждая других. А в открытом вольере полевой станции Центра по изучению приматов им. Йеркса сородичи помогают страдающей артритом старушке-шимпанзе взобраться на высоту, подталкивая ее сзади, и поят ее водой.

В одном из экспериментов обезьяны, получавшие в награду огурцы, с удовольствием выполняли задания, пока не увидели, что их соплеменникам за это же дают виноград. Тогда они побросали огурцы и устроили забастовку. Чем не человеческие уличные протесты против безработицы или низких зарплат? Исследовательница Эмма Пэриш в зоопарке однажды показала самке обезьяны бонобо своего новорожденного сына. Мельком взглянув на него, та убежала и принесла собственного младенца, поднеся его к стеклу. Шимпанзе проводят устрашающие друг друга демонстрации, действуют как стратеги, создавая коалиции, а в крайнем случае прибегают к цареубийствам. У животных нет политики?

Наблюдения за большой (около 30 особей) популяцией шимпанзе проводились около 20 лет в зоопарке голландского Арнема, где животные обитают на большой территории, в условиях, приближенных к естественной среде. Обнаружились формы поведения, которые нельзя списать на инстинкт. Один из самцов, повредив ногу, изображал хромоту, проходя мимо своего соперника в борьбе за лидерство. Уйдя из его поля зрения, он сразу «выздоровливал». Во время острого противостояния соперники блефовали: «на публике» они вели себя браво, но уйдя из поля зрения, выказывали явный страх. Другой самец, умерший от рака, а за год перед тем потерявший 15% веса, скрывал свою болезнь до последнего: это означало бы для него потерю статуса. В его последние дни другие обезьяны помогали ему устроить лежбище, как люди поправляют постель больного.

Франс де Вааль. Политика у шимпанзе. Власть и секс у приматов

Лидерство в группе обезьян необязательно обусловлено физической силой самцов. Наоборот, самцы во главе социальной иерархии становятся более осанистыми, а шерсть у них стоит дыбом все время, а не только при устрашающих демонстрациях. Это создает видимость большей величины и массы тела. Подчас стадом управляет иерархия из нескольких самцов, каждый из которых по отдельности не имеет особого веса. В колонии Арнема был и женский авторитет – старая шимпанзе, поддержка которой обеспечила самцу приход к власти. Тот, кого она невзлюбила, платил за это «политической карьерой», а самок, поддерживавших не того лидера, она наказывала.

Де Вааль описывает несколько перехватов власти в колонии Арнема. Первый начинался с демонстраций претендента на власть (особь Y) перед ее обладателем (X). Но прямое столкновение с вождем закончилось для Y печально: X поддержало все племя. За два месяца картина изменилась. Y регулярно «наказывал» самок, поддерживающих старого вождя, набрасываясь на тех, кого замечал в контактах с ним. Y в этом помогал другой быстрорастущий самец, Z. X не мог защитить самок от экзекуции: патрон перестал обеспечивать своей клиентеле защиту. Но вождь получил уважение группы в обмен на поддержание порядка, так что потеря власти стала для X вопросом времени. Претендент на царство еще и «подкупал избирателей»: он играл с детенышами, занимался грумингом с их мамами. Перед решающей схваткой с соперником Y «поговорил» со всеми соплеменниками, добиваясь от них сочувствия или как минимум нейтралитета.

Захват власти был не силовым, а политическим: старый вождь медленно терял свои позиции. Физических схваток между соперниками было за эти полгода всего пять. Они не были жестокими, их исход определялся социальными отношениями: в первых схватках побеждал X, поддерживаемый племенем, затем он убегал или получал больше ранений, чем Y. Когда X впервые проиграл в драке, на его жалкое состояние сбежалось смотреть все племя. После каж-

дого раздора соперники мирились, подолгу занимаясь грумингом, но иногда для примирения требовалось посредничество самок: соперники пытались избежать подчиненной роли в приветствии. Под конец соперничества Y отказывался иметь дело с X, пока тот не склонится перед ним как вассал. Неподчинившуюся особь могли и побить: во время борьбы за власть насилия в колонии было впятеро больше, чем когда иерархия устойчива. Новый вождь Y стал гарантом мира для своего народа: он разнимал дерущихся, растаскивая их в разные стороны или вставая на сторону слабейшего даже вопреки своим симпатиям. Альфа-самец, не способный защитить самок и детенышей от агрессии других самцов, утрачивает функции вождя.

Второй перехват власти проходил несколько месяцев спустя по другой модели. В коалицию против лидера Y вступили самцы X и Z (бетта- и гамма-самцы против альфа-самца). Старый вождь X был «мозгом» коалиции, а Z – ее «мускулами». Не в силах противостоять им, Y через несколько месяцев отдал власть. Выбор X партнера для коалиции был обусловлен тем, что Y в его помощи не нуждался, а через поддержку Z старый вождь восстановил часть утраченных привилегий. Это была долгосрочная стратегия: она не сразу принесла позитивные результаты. В способности шимпанзе планировать особых сомнений нет.

Власть в коалиции была распределенной: X поддерживал правопорядок и получал знаки внимания от племени, а Z охранял его полномочия, принимая поклоны от «аристократии» – X и Y, и пользовался сексуальными привилегиями. Иерархия самцов четко определяет их сексуальные права. В это время другие самцы могли спариваться лишь украдкой от него (во время правления X тот отвечал за 75% спариваний в группе). Дело не в «мужественности»: самцы с высоким социальным рангом нетерпимы к соперникам – отгоняют их от самок во время течки. Бывают и сексуальные контакты, санкционированные вождем: иногда Z поддерживает своего соперника Y, чтобы ограничить сексуальную активность союзника по коалиции – X. Нередки у самцов и сексуальные сделки такого типа: Z разрешает Y спариться с самкой после того, как Y долго занимался с Z грумингом. Власть X и Y опиралась на «народ», а коалиционная власть Z поначалу стояла на плечах «знати».

Самые волнующие события в Арнеме нашли отражение лишь в эпилоге книги о политике шимпанзе, охватывающей 1976—1979 годы. Спустя год возросшая нетерпимость Z заставила его разорвать союз с X: теперь он не давал ему совокупляться с самками. Воспользовавшись этим, Y отвоевал утерянную власть: по силе он не уступал Z и в отличие от него пользовался поддержкой самок. Но вожаком он пробыл всего 10 недель. Однажды ночью X и Z учинили над ним кровавую расправу: оторвали яички, откусили пальцы на руках и ногах, нанесли несколько глубоких ран. Из-за потери крови Y умер на операционном столе. Цареубийство! Шимпанзе знали, что произошло: наутро главный союзник Y, одна из самок, была крайне агрессивна к Z, в одиночку продержав его четверть часа на дереве.

Групповая жизнь шимпанзе – рынок власти, секса и социальных услуг, пишет де Вааль, все основано на взаимности. Если этот принцип нарушается, особь, не получившая причитающееся ей по праву, мстит обманщику. Мы, как и шимпанзе, тратим на получение власти и ее удержание много времени и сил, но мало кто честно в этом признается себе и другим. Люди стесняются говорить о власти, пряча тягу к ней за стремлением спасти отечество. Как и шимпанзе, люди беспрерывно участвуют в политике. Эта политика конструктивна: ее результат – иерархия, помогающая поддерживать в группе баланс и стабильность. В стаях обезьян, откуда удалили вожаков, быстро возрастал уровень агрессии – сообщество расплозлось по швам. Как и людям, политика помогает приматам договариваться и поддерживать порядок. Те, кто говорит, что животные не люди, забывают, что люди тоже животные, замечает де Вааль.

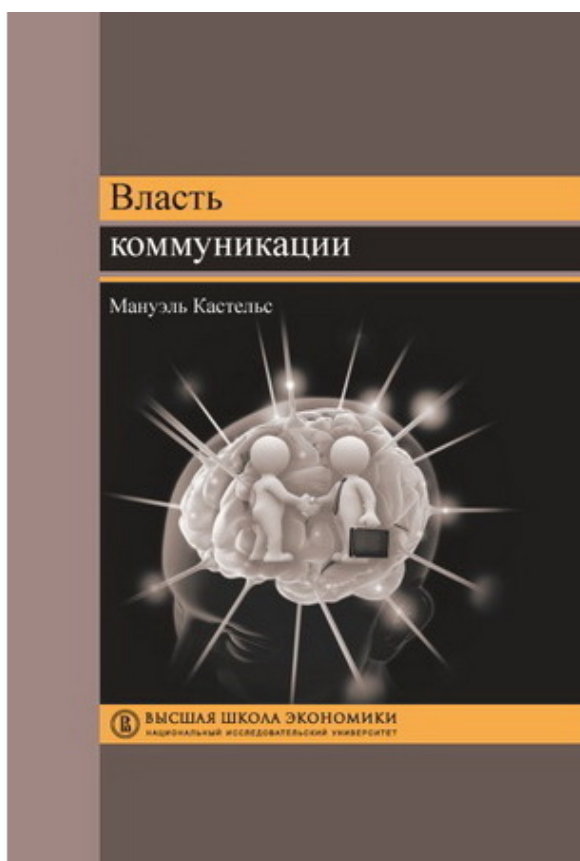
Forbes, 16.10.2015

Сетевая власть: как государство управляет обществом

Мануэль Кастельс. Власть коммуникации. М., Изд. дом Высшей школы экономики, 2016

Поставив под контроль принадлежавшие государству медиасети, Владимир Путин поставил все медиагруппы под контроль или в прямую зависимость от государства.

Власть зависит от контроля за коммуникацией, коммуникационная власть – в самом сердце структуры и динамики общества. Так начинается переведенный только что на русский язык издательством НИУ ВШЭ учебник выдающегося социолога Мануэля Кастельса «Власть коммуникации». Он обобщает работы Кастельса 1990—2000-х годов, посвященные власти в информационном обществе (оригинал вышел в Oxford University Press в 2009-м). У Кастельса, родившегося в 1942 году, есть личный опыт борьбы против власти, запрещающей читать и говорить: в 18 лет он боролся с франкистским режимом, распространяя среди рабочих листовки марксистско-демократического толка. «Тогда я не знал, – говорит социолог в предисловии к книге, – что послание эффективно, только если получатель готов к нему, а источник сообщения поддается распознаванию и заслуживает доверия».

Мануэль Кастельс. Власть коммуникации

Власть и коммуникацию Кастельс «склеивает» в одну тему гипотезой, что наиболее фундаментальная форма власти состоит в способности формировать человеческое сознание. То, как мы думаем, определяет наши индивидуальные и коллективные действия. Власть – это отношения подчинения/принуждения, но более прочные конструкции базируются не только на силе, но и на согласии. Людьюми нельзя управлять как пешками. Нужно заставить их принять

нормы и правила игры, внушить страх и покорность в отношении существующего порядка. Битва за изменение и применение норм в обществе происходит вокруг формирования человеческого сознания, поэтому коммуникация – эпицентр этой битвы, пишет Кастельс. Как выглядит она в сетевом обществе, когда мультимодальные массмедиа и горизонтальные сети увеличивают автономию пользователей?

Власть всегда является не атрибутом, а отношением – способностью одного субъекта асимметрично влиять на решения другого желательным для первого образом. Достичь этого можно за счет принуждения, или при помощи конструирования смыслов, или через институты. Поэтому легитимация – ключевой процесс, позволяющий государству состояться. Но она определяется согласием разрозненных человеческих волей, их способностью принимать правила, сопротивляться, артикулировать интересы и ценности. Так власть становится неотделимой от коммуникации: последняя дополняет (и иногда заменяет) применение силы. К сожалению (или к счастью – унификация радует не всех), общества не являются, пишет Кастельс, общностями, разделяющими одни и те же ценности и интересы. Они состоят из противоречивых структур, вступающих друг с другом в конфликты и переговоры. Конфликты никогда не заканчиваются – они лишь приостанавливаются с помощью временных соглашений и нестабильных контрактов.

Еще важнее коммуникация в глобальном сетевом обществе, когда у отдельных узлов сети возрастает автономия относительно центров власти. В сетях акторы самостоятельно создают информацию (а не только потребляют информационные потоки, идущие к ним из центра), самостоятельно ее направляют (распространяют) и самостоятельно выбирают, какую информацию получить и с кем коммуницировать. Изменилась модель коммуникации: вместо вещания нескольких источников на широкую аудиторию – специфические креативные аудитории, в которых каждый в той или иной степени выступает производителем и потребителем информации. Власть становится коммуникационной властью.

Пример осуществления такой власти – череда дезинформаций и мистификаций, связанная с началом войны в Ираке, пишет Кастельс.

Даже в 2006 году, после того как ложь была опровергнута, 50% американцев (опрос Harris) верили, что в Ираке было обнаружено оружие массового поражения (на пике – 69%), а 64% – что Саддам Хусейн был тесно связан с «Аль-Каидой» (организация признана террористической и запрещена на территории России) (на пике – те же 69%). Запрещенный в России ИГ (организация признана террористической) – плата за манипулирование информацией и информационное невежество. Люди склонны верить в то, во что хотят, и фильтруют информацию, чтобы адаптировать ее к предпочитаемым суждениям. Изменить старые установки, мешающие воспринимать новую информацию, очень сложно – для этого нужен «исключительный уровень коммуникативного диссонанса». Сложнее всего повлиять на изменение установок, возникших под влиянием глубочайшей эмоции – страха смерти. Тема Хусейна в сознании американцев была связана с патриотизмом и страхом перед террором. Когда этот страх активизирован, люди хватаются за каждую соломинку, становятся нетерпимы к инакомыслию и с трудом отказываются от того, что показалось единственной надежной защитой от этого страха. Только ухудшение ситуации в экономике в 2007—2008 годах окончательно разрушило одобрительную оценку американской политики в Ираке.

Сетевое общество по определению является глобальным, но пока национальные государства удерживают позиции, действуя односторонне и рассматривая глобальное управление как еще одно поле, на котором можно максимизировать собственные интересы. Еще не сложился контекст глобального управления проектами, где цель – общее дело, а не выигрыш отдельного игрока-государства. Этот устаревший подход ставит весь мир под угрозу (очевидна связь между войной в Ираке и подъемом глобального терроризма), но национальные государства в принципе не приспособлены к тому, чтобы действовать как участники сети, а не автономные обра-

зования. Ситуация изменится, когда государства будут отодвинуты и мир перейдет под управление глобального гражданского общества, мечтает Кастельс. Но возможно ли это, мы пока не знаем.

Политика разворачивается в медиа, которые являются не «четвертой властью», а пространством создания власти как таковой. В медиа распределяются властные отношения между конкурирующими политическими и социальными игроками. Но избиратели не вполне рациональны – им трудно обсуждать сложные политические вопросы, и они принимают политические решения методом «пьяного поиска», пытаясь найти самые простые способы получения информации. Это делает медиаполитику персонализированной, ведь самый простой способ получить информацию о кандидате – составить суждение на основании его внешности и черт характера. Кандидат должен быть лидером, ведь люди ищут в политике человека, похожего на них, но обладающего способностью вести их за собой.

Свои социальные и философские идеи Кастельс тестирует, анализируя многочисленные кейсы, взятые из американской, испанской, французской политики. Нашлось в учебнике Кастельса место и для России – в качестве примера страны (наряду с США и Китаем), где государство реализует старые и прямые формы медиаполитики – пропаганду и контроль, фабрикации сообщений и цензуру высказываний, подрывающих эти интересы (напомню, что книга закончена в 2008-м).

В России эта медиаполитика проводится в особо жесткой форме – путем «криминализации свободной коммуникации» и прямого преследования распространителей.

Информация – это власть, а контроль над средствами коммуникации – средство осуществления власти: этот урок СССР Россия не забыла и после его разрушения. Поставив под контроль принадлежавшие государству медиасети, Владимир Путин поставил все медиа-группы под контроль или в прямую зависимость от государства, пишет Кастельс. Он предполагает, что, поскольку глобальная интерактивная сеть не очень пригодна для тотального государственного контроля, рано или поздно российские чиновники «с должным вниманием отнесутся к самой решительной и изощренной попытке контролировать коммуникацию, относящейся к эпохе интернета, – к китайскому опыту».

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.